

1 ¹⁰/₁₀
ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ.

МАЙ.

№ 14.

1909.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ШВЕЙЦАРСКІЙ СТРѢЛОКЪ.
ПРИХОДЪ ВЕСНЫ.
ДВА ДРУГА (повѣсть).
ВЕСЕННЯЯ ПѢСНЯ.
ДВА РАЗСКАЗИКА.
ГОЛОВОЛОМКИ, И ПРОЧ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

«Тендеръ и вагонъ» для склеиванія.
«Въ Смутное время». Историческій
романъ (листь 6-й).

№ 14. Май. 1909.

Годъ изданія II-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Вильгельмъ Телль и его сынъ.

ШВЕЙЦАРСКІЙ СТРѢЛОКЪ.

Шестьсотъ лѣтъ тому назадъ Швейцарія подпала подъ владычество австрійцевъ, которые поставили надъ нею правителями двухъ очень гордыхъ и жестокихъ лицъ—Геслера и Ланденберга. Жители горныхъ странъ, обитавшіе въ лѣсахъ, находившихся высоко подъ облаками, швейцарцы никогда не считали себя рабами австрійцевъ и неохотно переносили ихъ притѣсненія. Съ своей стороны австрійцы старались ихъ совершенно подчинить себѣ и поступали съ ними такъ, что достаточно было упоминанія одного только имени Геслера и Ланденберга, чтобы швейцарскія женщины и дѣти начинали плакать. Швейцарцы тогда были люди простые, честные, занимались они охотой, разводили сады и ловили въ озерахъ рыбу. Они ни съ кѣмъ не воевали, никого не обижали и любили помолиться Богу. Но ежедневныя обиды, которыя причиняли имъ австрійцы, вывели ихъ наконецъ изъ себя и они стали открыто роптать.

У одного крестьянина Мильхталя были превосходные вола. На нихъ часто пахаль землю его сынъ Арнольдъ. Правитель Ланденбергъ заглядѣлся на этихъ воловъ и рѣшилъ, во что бы то ни стало, отнять ихъ у Мильхталя. Долго думаль онъ, какъ бы это сдѣлать, и наконецъ попросту отправилъ своихъ солдатъ въ поле

и приказаль имъ силою отнять у Арнольда воловъ.

— Я не дамъ вамъ воловъ, сказалъ имъ Арнольдъ.—Они принадлежать моему отцу. Безъ нихъ намъ нечѣмъ будетъ пахать землю.

Тогда одинъ изъ солдатъ ударилъ его и отвѣтилъ такъ:

— На то вы и Швейцарцы, чтобы пахать землю на себѣ!

Юноша былъ не въ состояніи снести обиду, бросился на солдата и въ свою очередь больно его избилъ. Опомнившись затѣмъ, онъ поняль, что правитель Ланденбергъ ему этого не проститъ, и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать въ горы. Солдаты погнались за нимъ, но Арнольду всѣ мѣста были извѣстны лучше, чѣмъ имъ, и вотъ онъ благополучно добѣжалъ до Фирвальдштеттерскаго озера. Въ это время на озерѣ свирѣпѣла буря. Громадныя волны съ шумомъ ударялись о берегъ. Гора Пилатусъ вся была въ облакахъ и вѣтеръ съ ревомъ носился надъ водою.

Кучка рыбаковъ стояла на берегу и убирала сѣти. Арнольдъ подбѣжалъ къ нимъ и рассказалъ имъ, въ чемъ было дѣло.

— Мнѣ нужно сейчасъ-же перебраться на тотъ берегъ, сказалъ онъ,—иначе меня схватятъ солдаты и отведутъ къ Ланденбергу.

— А развѣ ты не видишь, какая

буря? спросили его рыбаки. — Развѣ можно плыть на нашихъ лодкахъ по такимъ волнамъ?

— Но если я останусь на этомъ берегу, то меня схватятъ и казнятъ.

Рыбаки молчали.

— Тогда я поплыву одинъ, сказалъ Арнольдъ.

И едва только онъ взялся за лодку, какъ съ сосѣдней горы стала спускаться какая-то фигура.

— Это Телль, сказали рыбаки. — Онъ отличный пловецъ. Спроси его, если намъ не вѣришь.

Въ это время къ нимъ подошелъ самъ Телль.

— Перевезите его! сказалъ онъ рыбакамъ. — Васъ наградитъ за это Богъ.

Рыбаки печально покачали головами.

— Нѣтъ, сказали они. — У насъ есть жены и дѣти и мы должны подумать о нихъ.

Тогда Телль прыгнулъ въ лодку самъ, схватилъ Арнольда за руку, усадилъ его и взмахнулъ веслами.

— Богъ моя надежда! сказалъ онъ и скоро скрылся въ туманой дали озера.

Рыбаки смотрѣли имъ въ слѣдъ и скоро потеряли ихъ изъ виду.

— Они погибли! сказали они. — Развѣ можно плыть въ такую погоду?

— Да, они погибли! отвѣтили другіе. — Упокой, Господи, ихъ души!

А тѣмъ временемъ прибѣжали солдаты, искавшіе Арнольда, и, узнавъ, что онъ вмѣстѣ съ Вильгельмомъ

Теллемъ скрылся по ту сторону озера, донесли объ этомъ Ланденбергу. Тогда Ланденбергъ приказалъ привести къ себѣ его отца Мильхталя и выкололъ ему глаза.

— Это тебѣ за то, сказалъ онъ, — что у тебя такой нехорошій сынъ.

Между тѣмъ Вильгельмъ Телль и Арнольдъ благополучно добрались до другого берега и вышли изъ лодки. Мокрые, продрогшіе, еле переводя духъ отъ усталости, они опустились на колѣни на песокъ и горячо поблагодарили Бога.

Теперь они были уже не во власти правителя Ланденберга, и здѣсь онъ ничего не могъ-бы съ ними сдѣлать. Арнольдъ свободно вздохнулъ.

Но здѣсь уже самого Вильгельма Телля ожидало испытаніе. Здѣсь правителемъ былъ Геслеръ. Этотъ человекъ, въ опьянѣніи своею властью, не признавалъ никакихъ возраженій и рѣшилъ во что бы то ни стало поработить всѣхъ швейцарцевъ. Находя ихъ народомъ опаснымъ, онъ сталъ ихъ преслѣдовать за каждый пустякъ, казнилъ ихъ и массами сажалъ въ тюрьму. Чтобы унижить ихъ еще больше, онъ приказалъ поставить высокій шестъ, а на шестъ повѣсить шляпу австрійскаго герцога.

— Каждый, кто только пройдетъ мимо этой шляпы, сказалъ онъ, — пусть станетъ передъ ней на колѣни въ знакъ своей покорности. Кто же этого не сдѣлаетъ, тотъ будетъ считаться измѣнникомъ и сгніетъ въ тюрьмѣ.

Ослушаться было невозможно и швейцарцы съ болью въ сердцѣ, проходя мимо шляпы, опускались на колѣна и кланялись ей до земли. Какой-то добрый священникъ нашелся: онъ сталъ съ распятіемъ въ рукахъ около этого шеста и всѣ проходившіе мимо шляпы, кланялись не шляпѣ, а кресту. Но Геслеръ скоро узналъ объ этомъ и приказалъ священника удалить.

Случилось, что въ эту пору мимо шляпы проходилъ со своимъ сыномъ Вильгельмъ Телль. Увидѣвъ передъ шапкой народъ на колѣняхъ и ничего не подозрѣвая, онъ сталъ расспрашивать, въ чемъ дѣло. Тогда одинъ солдатъ подскочилъ къ нему и приказалъ и ему тоже стать на колѣни передъ шестомъ.

— Что за глупая шутка! сказалъ Вильгельмъ Телль и повернулся, чтобы уйти.

— Нѣтъ, не глупая, отвѣтилъ солдатъ.—Это придумалъ нашъ правитель Геслеръ и если ты сейчасъ-же не станешь передъ этой шляпой на колѣни, то я донесу на тебя и тебя посадятъ въ тюрьму!

— Я не сдѣлаю этого, рѣшительно отвѣтилъ Телль.—Я считаю для себя унизительнымъ распростираться передъ бездушной шляпой.

Тогда солдатъ крикнулъ другихъ солдатъ, они схватили Вильгельма Телля и вмѣстѣ съ его сыномъ привели его къ самому Геслеру.

— Этотъ человѣкъ не желаетъ

кланяться герцогской шляпѣ, сказали они.

Геслеръ нахмурилъ брови и нѣкоторое время молчалъ. Онъ старался придумать, какъ-бы построже наказать сына и отца.

— Какъ тебя зовутъ? обратился онъ къ швейцарцу.

— Вильгельмъ Телль, рѣшительно отвѣтилъ Телль.

Лицо Геслера просіяло недоброй улыбкой.

— Не ты-ли тотъ Телль, спросилъ онъ,—о которомъ по всей Швейцаріи идетъ слава, какъ объ отличномъ стрѣлкѣ?

— Да, отвѣтилъ Телль,—я рѣдко даю промахъ.

— Въ такомъ случаѣ, ты сейчасъ доставишь намъ развлеченіе, продолжалъ Геслеръ.—Я хотѣлъ было казнить тебя, но теперь раздумалъ. Ты лучше покажешь намъ свое искусство, а я за это дарю тебѣ жизнь.

И, поднявшись съ мѣста, онъ кивнулъ караульному солдату.

— Эй, караульный, сказалъ онъ.— Возьми-ка этого мальчика, сына этого преступника Вильгельма Телля, и привяжи его вонъ къ той липѣ. Затѣмъ положи ему на голову яблоко и отсчитай 80 шаговъ.

И обратившись затѣмъ къ Вильгельму Теллю, онъ сказалъ:

— А ты, мой мѣткій стрѣлокъ, стань вотъ здѣсь, натяни свой лукъ и пусти стрѣлу въ своего сына, но такъ, чтобы она сбила съ его головы яблоко. Такъ какъ тебѣ этого

не сдѣлать, то твоя стрѣла вонзится твоему сыну въ лобъ, или въ грудь и онъ тобою-же будетъ убитъ. Это тебѣ и послужитъ наказаніемъ за твой проступокъ передъ шляпой.

Геслеръ не успѣлъ еще договорить, какъ крикъ ужаса вырвался у солдата и у людей, окружавшихъ своего властелина. Такая жестокость, когда самому отцу приказывали убить своего родного сына, показалась отвратительной даже имъ. Но Телль молчалъ и, казалось, не чувствовалъ того, что вокругъ происходило. Взглянувъ затѣмъ на своего мальчика-сына, котораго уже привязали къ дереву, онъ вдругъ залился слезами и опустился передъ Геслеромъ на колѣна.

— Возьми мою жизнь, сказалъ онъ,—но не заставляй меня убивать неповиннаго ребенка!

— Нѣтъ, отвѣтилъ жестокій Геслеръ.— Я желаю посмотрѣть, какъ ты умѣешь стрѣлять.

Въ это время привязанный къ дереву мальчикъ увидѣвъ, что плачетъ его отецъ, весело закивалъ ему головой.

— Папа! закричалъ онъ ему.— Не бойся, стрѣляй! Я увѣренъ, что ты не промахнешься! Тебѣ поможетъ Богъ!

Эти слова мальчика произвели сильное впечатлѣніе на отца. Онъ поднялся съ колѣней, схватилъ свой лукъ, наложилъ на него стрѣлу, а другую тайкомъ спряталъ себѣ за пазуху, и сталъ цѣлиться.

Цѣлился онъ долго-долго.

— Довольно! закричалъ ему Геслеръ.— Пора стрѣлять!

Всѣ затаили дыханіе и каждый слышалъ, какъ сильно билось у него сердце.

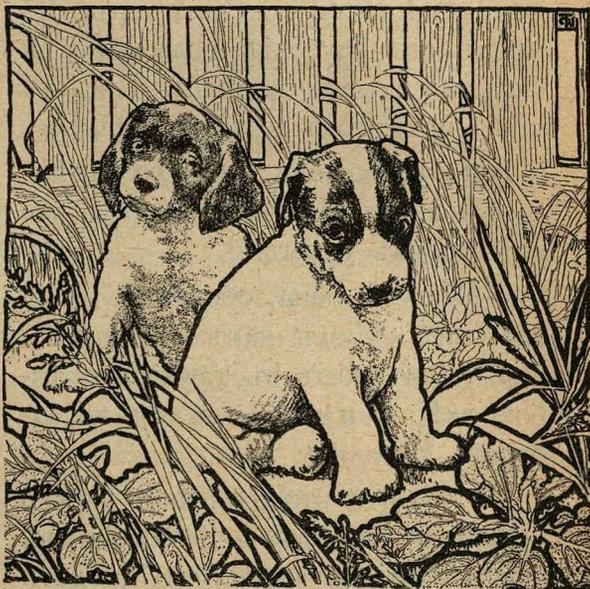
— Разъ! Два! Три!

Вильгельмъ Телль спускаетъ стрѣлу, она летитъ къ дереву и вонзается прямо въ яблоко, лежавшее на головѣ у его сына. Раздаются радостные крики, всѣ торжествуютъ, хлопая въ ладоши.

Одинъ Геслеръ мраченъ и нахмурилъ брови.

— А это что у тебя за стрѣла? обращается онъ наконецъ къ Теллю и указываетъ ему на торчавшую у него изъ-за пазухи стрѣлу.

Вильгельмъ Телль смотритъ ему прямо въ глаза и откровенно отвѣчаетъ:

Лютые звѣри.

— Эта стрѣла предназначена для тебя. Если-бы я промахнула въ яблоко и попалъ въ моего сына, то эту вторую стрѣлу я пустил-бы въ тебя.

Геслеръ поблѣднѣлъ и глаза его засверкали.

— За эти слова ты мнѣ отвѣтишь, сказалъ онъ и заскрежеталъ зубами. Я обѣщалъ тебѣ жизнь и я дамъ тебѣ ее, но эта жизнь твоя будетъ протекать тамъ, куда не проникаетъ ни одинъ лучъ свѣта, ни единый лучъ луны. Ты сгниешь у меня въ тюрьмѣ!

Онъ приказалъ связать стрѣлка.

Невдалекѣ, у берега озера стояла его роскошная лодка. Сидѣнья на ней были обиты бархатомъ и атласомъ и весла были отдѣланы чеканными украшеніями. Въ нее-то онъ и приказалъ посадить Вильгельма Телля.

— На томъ берегу озера мой замокъ Кюснахтъ, сказалъ онъ. Въ немъ есть глубокія подземелья и смрадные, сырые темницы. Тамъ-то я и сгною этого дерзкаго стрѣлка.

Ропотъ прошелъ среди собравшагося народа. Никто не хотѣлъ вѣрить своимъ ушамъ.

— Ничего, папа, ободрялъ Телля его сынъ. — Богъ намъ поможетъ... Мы будемъ жить въ тюрьмѣ съ тобою вмѣстѣ и намъ вдвоемъ не будетъ скучно!

— Уберите этого щенка! вдругъ крикнулъ Геслеръ. — Я сажаю въ тюрьму только взрослыхъ, а дѣти пусть бѣгаютъ на волѣ!

Дюжія руки схватили мальчика и, не давъ ему проститься съ отцомъ, увели его куда-то далеко.

А между тѣмъ лодка съ Геслеромъ, его людьми и Вильгельмомъ Теллемъ уже отчалила отъ берега.

— Прощай, мой сынъ! крикнулъ Вильгельмъ Телль, увидѣвъ далеко на берегу своего сына. — Будь честенъ и храбръ! Люби свою мать!

Съ высокой горы Пилатусъ вдругъ сползла туча и тяжело направилась къ озеру. Небо потемнѣло. Изъ ущелій горъ задулъ вѣтеръ и вдругъ все озеро закипѣло. Громадныя волны поднялись на немъ и началась такая буря, какой не бывало уже давно. Стѣсненное въ горахъ озеро клокотало, вѣтеръ сталъ дуть со всѣхъ четырехъ сторонъ, а лодка Геслера была уже далеко отъ берега и возвратиться назадъ было невозможно.

— Господинъ, обратился къ Геслеру рулевой. — Мы сейчасъ погибнемъ. Наша лодка уже полна водой и я не настолько искусенъ, чтобы довести ее до берега.

— Впередъ! скомандовалъ Геслеръ.

Вѣтеръ задулъ съ неимоверной силой. Волны подняли лодку высоко на свои гребни и затѣмъ быстро опустили ее внизъ. Сползшая съ Пилатуса туча уже заволокла собою все небо и вдругъ загремѣлъ ужасный громъ.

— Господинъ, вновь обратился къ Геслеру рулевой. — Я изнемогаю... У меня нѣтъ силъ справиться съ непогодой. Если кто-нибудь не замѣнитъ сейчасъ меня, то мы погибнемъ!

Геслеръ нахмурилъ брови и не рѣшался.

— Кто изъ васъ умѣетъ обращаться съ лодкой? наконецъ обратился онъ къ солдатамъ.

Тѣ молчали.

— Кто изъ васъ можетъ взяться за руль? повторилъ Геслеръ.

— Я! отвѣтилъ Вильгельмъ Телль.

Геслеръ приказалъ развязать его и предоставить лодку въ его распоряженіе. Телль взялся за руль и твердою рукою повелъ лодку прямо къ берегу. Вотъ ужъ виднѣется прибрежная дорога, вотъ глыбы камней, а вотъ и скала Аксенъ, на которой такъ часто сиживалъ Телль, когда еще былъ мальчикомъ. Какъ все здѣсь ему знакомо!

Онъ приблизилъ лодку къ Аксену, вдругъ неожиданно схватилъ лукъ и стрѣлы и, бросивъ руль, огромнымъ прыжкомъ выскочилъ изъ лодки на скалу. Отъ его прыжка лодку откинуло далеко отъ берега, волны ее подхватили и вѣтеръ погналъ на средину озера.

— Спасите! Помогите! вдругъ донеслись до Вильгельма Телля голоса Геслера и его людей.

А Телль склонился на камнѣ на колѣни и горячо сталъ молиться Богу. Затѣмъ онъ отдохнулъ немного, переждалъ, когда пройдетъ дождь, и побрелъ отыскивать своего сына.

«Они погибнутъ въ озерѣ», думалъ онъ про Геслера и его людей. «Теперь мнѣ нечего бояться!»

Но Геслеръ не погибъ. Его лодку выбросило на берегъ какъ разъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ это время шелъ Вильгельмъ Телль, возвращаясь домой.

— Держите его! закричалъ Геслеръ.—Ловите! Теперь онъ отъ насъ не уйдетъ!

Четыре солдата подбѣжали къ Теллю и охватили его со всѣхъ сторонъ. Онъ думалъ было сопротивляться, но у него не хватило силъ.

— А теперь я тебя ослѣплю! прошипѣлъ въ злобѣ Геслеръ и уже вытащилъ кинжалъ, чтобы расправиться съ Теллемъ и лишить его зрѣнія навсегда.

Но въ это время изъ-за сосѣдняго камня вдругъ загудѣла стрѣла и вонзилась Геслеру прямо въ самое сердце. Жестокой правитель вскрикнулъ и, какъ снопъ, повалился на землю.

Изъ-за камня вышелъ юноша съ лукомъ въ рукѣ. Онъ подошелъ къ обезумѣвшимъ солдатамъ и къ Теллю и весело сказалъ:

— Здравствуй, Вильгельмъ! Это я—Арнольдъ, котораго ты когда-то перевозилъ черезъ озеро въ бурю. Ты спасъ мнѣ тогда жизнь и вотъ я постарался отплатить тебѣ тѣмъ-же.

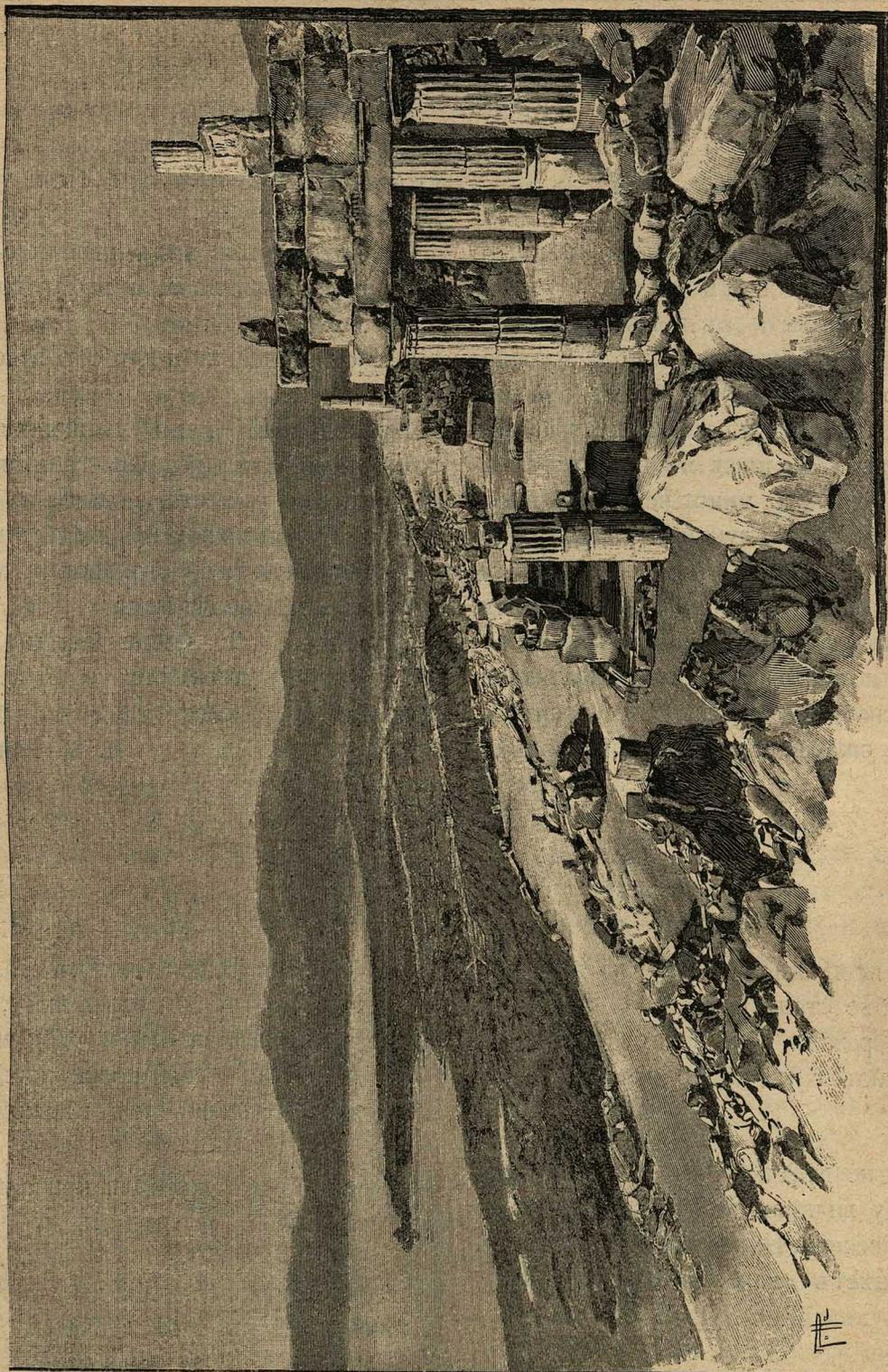
Вильгельмъ протянулъ ему руку, горячо пожалъ ее, а затѣмъ протянулъ руку и солдатамъ.

— Прощайте, товарищи! сказалъ онъ.—Не поминайте лихомъ!

И пожавъ каждому изъ нихъ руку, онъ широкими шагами побрелъ къ себѣ домой.

Влѣзли, но вылѣзти не могутъ.

Древне-греческія развалины на острове Сициліи.

11

Арнольдъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, и тоже пошелъ своей дорогой.

А солдаты не знали, что имъ дѣлать, и еще долго стояли у остывшаго трупа Геслера.

Нѣсколько лѣтъ спустя, какой-то слѣпецъ подошелъ къ озеру въ надеждѣ помытъ въ немъ свои ноги. Но берегъ былъ высокій и до воды было еще далеко. Слепецъ сдѣлалъ шагъ впередъ и всею тяжестью своего тѣла свалился въ воду.

Проходилъ мимо человѣкъ высокаго роста съ лукомъ. Увидѣвъ, что тонетъ старикъ, онъ сбросилъ съ себя одежду и прыгнулъ въ воду, чтобы его спасти. Но слѣпой старикъ не зналъ, за что ему схватиться, и, ухватясь за шею своего спасителя, такъ сжалъ ее, что у того помути-

лось въ глазахъ, и оба вмѣстѣ пошли ко дну...

Сбѣжался народъ, стали кричать, звать на помощь, и когда вытащили утонувшихъ, то оба они были уже мертвы.

Въ одномъ изъ нихъ узнали слѣпого отца Арнольда, а въ другомъ Вильгельма Телля.

Всѣ сняли шапки и глубоко вздохнули.

Проходившій мимо священникъ, тотъ самый, который когда-то стоялъ со крестомъ у шеста, подошелъ къ утонувшимъ и прочиталъ надъ ними молитвы. А затѣмъ—онъ досталъ молитвенникъ и прочиталъ:

«Больше той любви никто не имѣетъ, какъ кто душу свою положитъ за друга своего».

М. Б—скій.

ПРИХОДЪ ВЕСНЫ.

Снѣгъ сошелъ, просохли ужъ дорожки,
Голубѣ стали небеса,
На берегахъ ужъ висятъ сережки,
Раздаются птичьи голоса.

Ужъ не дуетъ буйный вѣтеръ рѣзко,
Всюду видишь Божью благодать,
Ужъ весна... Цвѣтетъ ужъ перелѣска,
Зеленѣтъ «мачеха-и-мать».

Листъ сопрѣлъ, ужъ ломкимъ сталъ
валежникъ,
Пахнетъ въ роцѣ смолкой и грибоккомъ,
Кое-гдѣ цвѣтетъ еще подснѣжникъ
И глядитъ голубенькимъ глазкомъ.

Въ вышинѣ ужъ журавли кричали...
Это къ намъ... Летите въ добрый
часъ!..

О, весна, какъ всѣ тебя мы ждали
И какъ рады мы тебѣ сейчасъ!

Кузнечикъ.

ДВА ДРУГА.

(Окончаніе).

Конечно, было-бы лучше всего написать письмо къ бабушкѣ Настасьѣ Петровнѣ и описать ей всю свою горемычную жизнь, но Павликъ зналъ, что это причинитъ ей горе, и не хотѣлъ ее огорчать. Съ другой стороны, въ глубинѣ души, онъ боялся вернуться къ себѣ на родину, такъ какъ бабушка была бѣдна и онъ могъ ее обременить; достаточно ужъ и того, что у нея жили обѣ его дѣвочки—сестры Маня и Катя, а возвращаться къ ней еще самому ему—это значило-бы навязать ей лишній ротъ и заставить ее быть еще бѣднѣе. И это его волновало. Николай замѣчалъ это, старался вызвать его на откровенность и наконецъ спросилъ:

— Чего ты сталъ задумываться, Павликъ? Тебѣ жаль разстаться съ Петербургомъ?

Павликъ бросился къ нему на шею.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ, и слезы показались у него на глазахъ.—Я считаю минуты, когда вырвусь изъ этого города, но меня страшитъ только одно:—что ждетъ меня впереди? Что я скажу бабушкѣ, когда вернусь? Почему я не ужился въ Петербургѣ? Къ тому-же, я могу отправиться только съ тобою, развѣ я могу оставить тебя здѣсь одного? Ты только подумай, чѣмъ она будетъ насъ двоихъ кормить?

Николай задумался и долго не отвѣчалъ ни слова.

— А знаешь, что? заговорилъ онъ наконецъ и глаза его радостно заблестали.—Я поступлю въ вашей деревнѣ въ пастухи, а ты будешь ходить на работу въ чью-нибудь усадьбу! Вотъ и будетъ у насъ заработокъ. Только давай дадимъ сейчасъ другъ другу слово, что будемъ жить на свой собственный счетъ и не будемъ вводить въ излишніе расходы твою бабушку!

Мысль поступить одному въ пастухи, а другому ходить въ усадьбу на заработки—показалась имъ легко осуществимой и они рѣшили отправляться въ путь, отправляться вдвоемъ тотчасъ-же, какъ къ этому представится возможность.

Николай ликовалъ. Какъ часто мечталъ онъ о деревенской жизни, когда взбирался на шести-этажные дома, чтобы чистить трубы, и видѣлъ съ нихъ открывающуюся даль! Какъ часто онъ плакалъ въ первое время, что лишень былъ возможности уйти далеко-далеко отъ шумнаго города, съ его каменными громадами, богатствомъ и нищетой, туда, гдѣ мирно бродятъ въ лугахъ стада, гдѣ звонко распѣваютъ въ лѣсахъ птицы и гдѣ по утрамъ и по вечерамъ раздаются звуки нѣжной свирѣли пастуха!

И онъ бросался къ Павлику, хваталъ его за руку и задавалъ ему вопросы:

Павликъ бросился къ нему на шею.

— Да правда-ли это?.. Неужели мы поѣдемъ?.. Павликъ, какъ ты думаешь, неужели это правда?

Онъ не смѣлъ вѣрить, что это счастье, на которое онъ пересталъ уже надѣяться, когда-нибудь окажется для него исполнимымъ.

Его другъ, повеселѣвшій уже при одной мысли о томъ, что для него можетъ начаться новая жизнь, старался убѣдить его, что все это возможно.

— Я увѣренъ, что моя бабушка обрадуется тебѣ, сказалъ онъ,—и приметъ тебя, какъ родного внука.

— Неужели? Такъ давай поѣдемъ поскорѣе!

— Вотъ это-то и мудрено!

— Почему?

— Ты не дойдешь... У тебя больная нога, а итти придется не менѣе двухъ недѣль.

Радость Николая сразу смѣнилась печальнымъ вздохомъ.

— Эта противная нога!.. сквозь зубы проворчалъ онъ.—Значитъ, никогда я не вырвусь изъ Петербурга!

И когда Павликъ не отвѣтилъ ему, онъ отвернулся и продолжалъ:

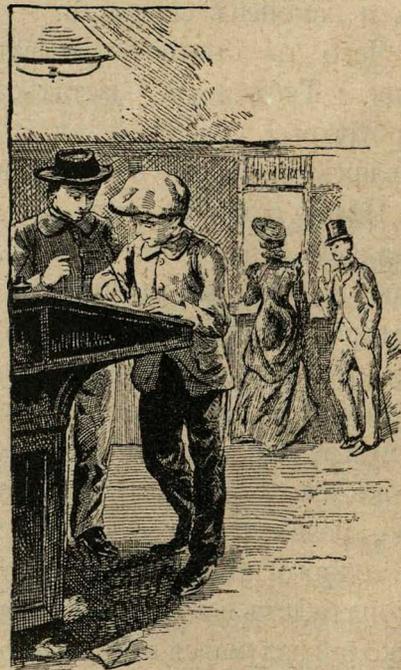
— Какая жалость! Ахъ, что бы только я далъ, чтобы быть сейчасъ здоровымъ!

Тогда Павликъ вспомнилъ про оставшіяся у нихъ отъ продажи открытки.

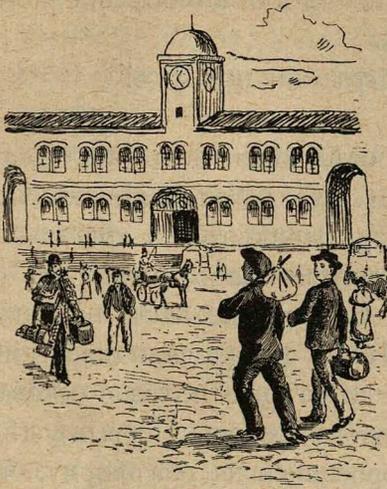
— А нашъ товаръ! воскликнулъ онъ.—Ты о немъ и позабылъ? На него мы можемъ доѣхать до самой Москвы, а тамъ будетъ видно! Стоитъ только его поскорѣе распродать!

Николай подпрыгнулъ чуть не до потолка, не смотря на свою больную ногу.

— Конечно! отвѣтилъ онъ.—Мы распродадимъ его какъ можно скорѣе

Павликъ сталъ писать свое письмо.

На слѣдующій день они уже подходили съ узелочками къ Николаевскому вокзалу.

и поѣдемъ по желѣзной дорогѣ! Вотъ не ожидалъ!

И они еще съ большимъ усердіемъ принялись за свою торговлю. Они такъ бѣгали по всему Петербургу, что сапоги у нихъ положительно развалились и изъ нихъ показались голые пальцы ногъ. Но они не унывали и каждый вечеръ, возвратясь домой, съ восторгомъ считали свою выручку и строили планы. Они доѣдутъ до Москвы по желѣзной дорогѣ, а тамъ пойдутъ пѣшкомъ. А если имъ хватитъ на билеты до Серпухова, то имъ придется идти всего только 45 верстъ, которыя они отмахаютъ, самое большее, въ два дня. Только-бы вотъ на нихъ не обидѣлась бабушка за то, что они ушли самовольно изъ Петербурга!

— А ты ей сперва напиши! посоветоваль Павлику Николай.— За это время ты могъ-бы ей написать ужъ

двадцать разъ! Развѣ можно оставлять ее безъ писемъ?

Павликъ отговорился, что у него нѣтъ бумаги и чернилъ и что негдѣ заняться писаньемъ.

— А на почтѣ? удивился Николай.— Тамъ можно писать сколько угодно!

Они отправились на почту вмѣстѣ и всю дорогу придумывали содержаніе письма къ Настасьѣ Петровнѣ. Купивъ на копейку листъ бумаги, они вошли въ почтамтъ и здѣсь, у конторки, подъ диктовку Николая, Павликъ сталъ писать свое письмо. Рука его дрожала и дѣло кончилось тѣмъ, что большая клякса украсила собою то самое мѣсто письма, гдѣ Павликъ намѣревался поставить послѣднюю точку. Такимъ образомъ точка оказалась втрое больше, чѣмъ самыя буквы письма.

Но вотъ они уже въ вагонѣ.

Они ушли изъ почтамта съ такимъ сознаниемъ, точно съ плечъ ихъ свалилась цѣлая гора.

— Возвратясь къ себѣ домой, они объявили хозяевамъ, что оба уѣзжаютъ. Хозяинъ нахмурилъ брови, что-то проворчалъ, а хозяйка задумчиво покачала головой.

— Что-жъ, сказала она.—Вы уже большіе... Развѣ васъ удержишь?

Но оба мальчика ей нравились, она уже къ нимъ привыкла и ей жалко было ихъ отпущать.

— Ты-же намъ пиши, Николай! сказала она.—Кто его знаетъ, что еще тамъ ждетъ тебя впереди! Въ случаѣ чего, возвращайся къ намъ опять въ Петербургъ и живи у насъ. Много насъ не объѣшь!..

Мальчики дали ей немножко денегъ и попросили ее испечь имъ на дорогу пирожковъ и купить колбасы и соленыхъ огурцовъ. Затѣмъ они сбѣгали на вокзалъ и справились тамъ, въ которомъ часу отходить поѣздъ на Москву и до какихъ поръ на ихъ деньги ихъ могутъ довести. Оказалось, что ихъ денегъ хватитъ имъ на билетъ до самаго Серпухова и что оттуда уже они должны будутъ идти пѣшкомъ.

А на слѣдующій день они рѣшили уже отправиться въ путь.

— Мнѣ такъ хочется увидѣть скорѣе бабушку и сестеръ! сказалъ вечеромъ Павликъ.—Просто не могу дожидаться завтрашняго дня.

Николай тоже волновался и во всю

ночь не могъ отъ ожиданія забыться сномъ.

Завтра они поѣдутъ!

На слѣдующій день они уже подходили съ узелками къ Николаевскому вокзалу. Завидѣвъ его еще издалека, они удвоили шагъ, чтобы не опоздать. Но большіе часы на вокзальной башнѣ показывали еще семь часовъ: до отхода поѣзда оставалось еще много времени. Первымъ дѣломъ они бросились на платформу, чтобы уже садиться въ вагонъ, но поѣздъ еще не былъ поданъ, и имъ поневолѣ пришлось возвратиться въ вокзалъ. Они сѣли на диванчикъ и стали ожидать.

Мимо нихъ проходили туда и сюда, и торопились пассажиры, бѣгали носильщики, за стѣною раздавались свистки локомотивовъ, а съ площади доносились звонки трамваевъ и шумъ экипажей. Всѣ спѣшили, старались обогнать другъ друга и занять лучшія мѣста, точно это были не люди, а враги, и никому не было дѣла до двухъ мальчугановъ, сидѣвшихъ въ уголку на диванчикѣ и не интересныхъ ни для кого.

— Еще ожидать цѣлый часъ и пятьдесятъ минутъ! вздохнулъ Павликъ.—Напрасно мы такъ рано съ тобой пришли!

— Ничего! ободрялъ его Николай.—Подождемъ! Время у насъ свое, а не покупное!

Но время никогда не ждетъ, не ждало оно и теперь. Стрѣлка на ча-

сахъ подвигалась все впередъ и впередъ и наконецъ дошла до той минуты, когда касса открылась и нужно было брать билетъ.

Они стали въ очередь и вмѣстѣ съ другими потянулись къ кассѣ. Какъ старшій, бралъ билеты Николай. И теперь, когда билеты были уже взяты, и находились у нихъ въ рукахъ, имъ стало вдругъ казаться, что жизнь какъ-то сразу вдругъ перемѣнилась для нихъ, стала имѣть для нихъ какія-то новые значеніе и смыслъ и что ихъ ожидало впереди счастье жизни, то счастье, о которомъ они всегда такъ мечтали: бѣгать по травѣ, трудиться надъ землею и быть подальше отъ города, гдѣ люди уже позабыли, что они другъ другу братья и что гдѣ-то есть другая, болѣе близкая къ природѣ жизнь.

Но вотъ они уже въ вагонѣ. Они садятся у окошка и не вѣрятъ своимъ глазамъ.

Входятъ другіе пассажиры, занимаютъ свободныя мѣста, носильщики вносятъ массы багажа и въ первую минуту кажется невѣроятнымъ, что вся эта масса пассажировъ и вещей можетъ размѣститься въ одномъ вагонѣ. Но всѣ устраиваются понемногу, вещи укладываются на полки и подъ мѣста и въ вагонѣ даже становится просторно. Раздается затѣмъ звонокъ, вслѣдъ за нимъ слышится свистокъ оберъ-кондуктора, локомотивъ гудитъ и поѣздъ медленно трогается съ мѣста и отправляется въ дорогу.

Счастливаго пути!

Вереницы вагоновъ, локомотивы, закоптѣлое депо, затѣмъ мостъ черезъ Обводный каналъ, и Петербургъ остается позади. Потянулись зеленые поля, лѣса, замелкали дачи, станціи, деревни... Вотъ уже и Любань, а вотъ ужъ и Вишера, а съ нею вмѣстѣ и ночь. Два друга все еще сидятъ у открытаго окошка, и никакъ не могутъ наглядѣться на лѣса и на поля и надышаться чистымъ, свѣжимъ воздухомъ деревни.

Но усталость беретъ свое, они склоняютъ головы на грудь и, обвѣваемые теплымъ ветеркомъ, врывающимся къ нимъ въ окно, незамѣтно для самихъ себя засыпаютъ сладкимъ, крѣпкимъ сномъ.

— Москва! Дальше поѣздъ не поѣдетъ! Эй, молодчики, вставайте!

Павликъ и Николай открыли глаза и, къ удивленію своему, увидали, что поѣздъ стоитъ уже въ Москвѣ и что большая часть вагона уже опустѣла.

Оказалось, что они проспали!

Быстро связавъ свои узелочки, они улыбнулись счастливой улыбкой и вышли изъ вагона.

Такой-же точно вокзалъ, какъ и въ Петербургѣ, съ такою-же башенкой и часами, почти такіе-же и трамваи, только постройки похуже и улицы погрязнѣе. Они переходятъ черезъ вокзальную площадь и, то и дѣло спрашивая прохожихъ, какъ пройти на Курскій вокзалъ, гдѣ имъ

нужно садиться на другой поѣздъ, мало-по-малу добираются до цѣли.

Раннее утро, отовсюду доносится звонъ колоколовъ и голуби такъ и шмыгаютъ подъ ногами. Отворились булочныя и пекарни и изъ нихъ потянуло вкуснымъ запахомъ только что испеченнаго хлѣба и Павлику захотѣлось горбушечки, а у Николая пріятно защекотало въ носу. Они и

Ихъ усаживаютъ за столъ и начинаютъ кормить.

позабыли за всю дорогу поѣсть. Но это ничего: они усядутся опять въ вагонъ на Курскомъ вокзалѣ и тогда уже всласть и до-сыта наѣдятся огурцовъ и колбасы.

Вотъ ужъ и Курскій вокзалъ. Они ждутъ на немъ цѣлые три часа и затѣмъ садятся въ вагонъ и снова отправляются въ путь.

Теперь ужъ скоро: они проѣдутъ

всего только девяносто верстъ и затѣмъ побредутъ домой пѣшкомъ. Какъ это будетъ интересно!

Свистокъ; кондукторъ отбираетъ отъ нихъ билеты и они выходятъ изъ вагона на вокзалъ.

Это Серпуховъ. Отсюда до деревни Павлика сорокъ пять верстъ, а это ужъ сущіе пустыки. Они молоды, здоровы и, даже не смотря на хромоту Николая, добредутъ до бабушки не долѣе, какъ дня въ два или даже въ полтора.

Они выходятъ изъ вокзала и, радостные и счастливые, отправляются въ путь. Вотъ уже и Ока. Она все такая-же, какою была и три года тому назадъ, все такъ-же у ея берега стоялъ одинокій пароходъ и такъ-же, какъ и тогда, по ней тянулись безконечные плоты.

Павликъ и Николай перешли черезъ мостъ, по которому надъ ихъ головами промчался поѣздъ, и вступили въ Тульскую губернію.

Теперь они были уже у себя на родинѣ.

И передъ ними потянулась ихъ дорога, одинокая, часто изрытая дождями, но милая, родная дорога, на которой нѣтъ мостовой и по которой не гроыхаютъ трамваи и извозищьи коляски, но вдоль которой тянутся лѣса, кусты и поля, а высоко, въ небесной синевѣ раздаются пѣсни жаворонковъ и летаютъ счастливыя стрекозы. Зеленая, колосющаяся рожь привѣтствуетъ ихъ своимъ поклономъ и красные маки и голубые васильки

весело глядятъ на нихъ изъ-за ея стеблей.

Кричатъ перепела, вѣтерокъ обвѣваетъ мальчиковъ своимъ теплымъ дыханьемъ, на небѣ ни облачка, а они все идутъ и идутъ.

Но вотъ спускается тихій вечеръ, небо вспыхиваетъ оранжевой зарей и солнце садится. Поднимается роса, отовсюду несутся запахи и кругомъ начинается жужжанье насѣкомыхъ.

Мальчики видятъ чью-то маленькую усадьбу. Зеленая крыша выглядываетъ изъ-за кустовъ сирени, бывшей еще въ полномъ цвѣту, и слышны чьи-то голоса.

Они подходятъ къ воротамъ и робко просятъ переночевать. Ихъ берутъ за руки, вводятъ въ домикъ, усаживаютъ за столъ и начинаютъ кормить... Какъ не дать пріютъ дорожнымъ людямъ? А мальчики нахо-

Онъ бросается къ ней на шею.

дились въ дорогѣ и потому ихъ нужно было пріютить.

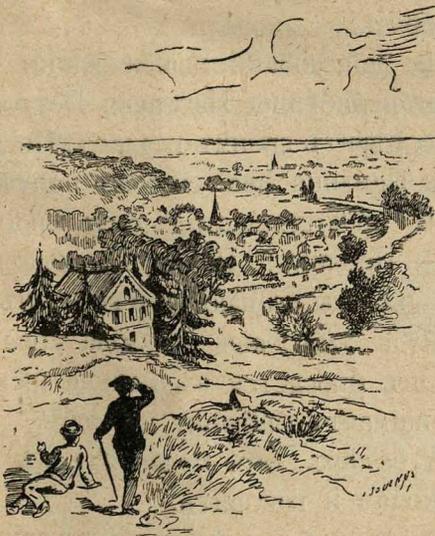
Отецъ, мать, дѣти съ веселыми, откровенными лицами спрашивали ихъ о Петербургѣ, о ихъ родинѣ, житьѣ-бытьѣ и, казалось, не могли наслушаться ихъ интересныхъ разсказовъ.

А затѣмъ ихъ уложили спать.

Чуть свѣтъ, ужъ мальчики были на ногахъ. Хозяйка напоила ихъ молокомъ, дала каждому изъ нихъ по горсти ягодъ и отпустила ихъ въ путь.

— Какъ у васъ здѣсь хорошо! восклицалъ дорогою Николай, — какіе у васъ добрые здѣсь люди! Какъ хорошо здѣсь поютъ птицы!

А Павликъ шелъ около него и не могъ сдерживать своего восторга:

— Вонъ — вонъ нашъ домикъ!

сегодня онъ будетъ дома. Онъ не чувствовалъ усталости, хотѣлъ бѣжать впередъ, но больная нога его товарища его смущала и онъ съ неохотою сядил на траву, чтобы дать Николаю возможность отдохнуть.

— Ну, и мастеръ-же ты ходитъ! не разъ говорилъ ему Николай.

И они все шли и шли, то присаживаясь отдохнуть, то снова отправляясь въ путь, и дошли наконецъ до того мѣста, откуда открывался видъ на большое село съ бѣлою высокою церковной колокольней.

— Это Березань... сказалъ Павликъ. — Это недалеко отъ насъ. Въ этой церкви я даже когда-то говѣлъ. А вонъ школа подъ желѣзной крышей! Видишь?

Николай смотрѣлъ и все казалось ему новымъ и интереснымъ, точно онъ видѣлъ длинный, очаровательный сонъ.

Высокій холмъ. Мальчики — спускаются съ него и передъ ними открывается давно желанная картина. Вся въ елкахъ, стоитъ на берегу голубой Оки двухъ-этажная дачка въ швейцарскомъ вкусѣ, а за нею изъ-за группы деревьевъ виднѣется родное село Павлика, гдѣ онъ родился и гдѣ умерла его мать. Здѣсь живетъ его бабушка Настасья Петровна и двѣ его сестры, по которымъ онъ такъ скучаетъ, и минутъ черезъ двадцать, много двадцать пять, онъ будетъ уже у нихъ.

— Вонъ-вонъ нашъ домикъ! указываетъ онъ Николаю на село и не можетъ даже дышать отъ восторга.

Ему хочется плакать, хочется кричать, со всѣхъ ногъ бѣжать къ себѣ въ деревню или обратиться птицей и на крыльяхъ въ одну секунду перелетѣть къ себѣ домой.

— Пойдемъ! Пойдемъ! торопитъ онъ Николая, у котораго уже отказалась отъ усталости служить нога. — Ты увидишь, какъ намъ обрадуется бабушка и какъ она будетъ тебя любить.

И они чуть не бѣгомъ отправляются снова въ путь и съ каждымъ шагомъ разстояніе все уменьшается и вотъ ужъ они у самой завѣтной ихъ цѣли. Вотъ ужъ изба бабушки съ бѣленькими занавѣсочками на окнахъ и съ горшками цвѣтовъ на скамеечкѣ у крыльца; вотъ скотный дворъ, по которому бродятъ куры и хрюкаетъ свинья; вотъ огородъ, въ которомъ такъ буйно разрослись хмель и конопля... Павликъ все это узнаетъ и отъ удовольствія не можетъ говорить...

На лай собаки изъ избышки выходитъ бабушка Настасья Петровна и не вѣритъ своимъ глазамъ. Письмо отъ Павлика она еще не получила и его приходъ засталъ ее врасплохъ.

— Павликъ!.. Павликъ!.. говоритъ она и слезы мѣшаютъ ей говорить. — Откуда ты? Какъ ты сюда попалъ?

Онъ бросается къ ней на шею и прижимаетъ бабушку къ себѣ.

А затѣмъ онъ подводитъ къ ней Николая и говоритъ:

— Это мой самый близкій товарищъ, бабушка; онъ въ Петербургѣ спасъ

мнѣ жизнь. У него нѣтъ ни одной души родныхъ и я хочу, чтобы онъ оставался въ нашей деревнѣ навсегда.

Бабушка смотритъ на Николая, угадываетъ въ немъ все, что ему пришлось перестрадать, и его тоже прижимаетъ къ своей груди.

— Будь и ты моимъ внучкомъ!.. говоритъ она.—Я старуха и съ вами обоими я не пропаду.

И она вводитъ ихъ въ избу. Приходятъ съ поля сестры Павлика Маня и Катя и не вѣрятъ своимъ глазамъ. Онѣ уже подросли и стали настоящими работницами. Увидѣвъ Павлика и Николая, онѣ усаживаются около нихъ и начинаютъ ихъ спрашивать и слушать безъ конца.

Проходятъ десять лѣтъ. На мѣстѣ бабушкиной избы стоитъ теперь уже большой хорошій двухъ-этажный домъ подъ красной желѣзной крышей. Въ нижнемъ этажѣ живетъ Николай, совершенно уже поправившійся отъ своей хромоты и теперь женатый на сестрѣ Павлика Катѣ, а въ верхнемъ вмѣстѣ со старушкой-бабушкой и съ молодой женой живетъ красивый хозяинъ дома — Павелъ Ивановичъ

Осетровъ. Это — прежній Павликъ. На краю села, у рѣчки, впадающей въ Оку, стоитъ большая водяная мельница и дружно работаетъ своими колесами. Эта мельница принадлежитъ двумъ обитателямъ двухъ-этажнаго дома, когда-то бѣднымъ газетчику и продавцу картинъ Павлику и чумазому трубочисту Николкѣ.

Теперь они уже богаты и все свое богатство добыли своимъ собственнымъ трудомъ.

Они рано ушли изъ столицы, рано женились и оба рано, чуть не съ солнцемъ, встаютъ.

— Если-бы мы не ушли во время изъ Петербурга, говоритъ иногда Николай,—то и до сихъ поръ продавали бы тамъ газеты и были-бы бѣдны.

А Павликъ каждый разъ достаетъ изъ кармана свою записную книжку и отыскиваетъ въ ней то изреченіе, которое онъ когда-то въ нее записалъ:—

«Кто во-время женится и рано встаетъ, тотъ не раскается въ этомъ никогда».

И оба вмѣстѣ они отправляются на работу.

Св. Ел.

ИЗРЕЧЕНІЯ.

Зарождающаяся ссора подобна пробивающемуся сквозь плотину потоку: какъ только онъ пробился, ты уже не удержишь его.

(Талмудъ).

Не тотъ уменъ, кто умѣетъ отличать добро отъ зла, а тотъ, кто изъ двухъ золь умѣетъ выбирать меньшее.

(Талмудъ).

ВЕСЕННЯЯ ПѢСНЯ.

Нынче солнце грѣтъ
Съ самага утра...
Травка зеленѣтъ...
Милая пора!

Солнце грѣтъ жарко,
Рѣчка блещетъ ярко,
По дорожкамъ парка
Бѣгаемъ съ утра.

Лишь въ оврагѣ таетъ
Старенькій снѣжокъ
И ручьемъ сбѣгаетъ
На сырой лужокъ.

Бабочка летаетъ,
Птичка распѣваетъ,
И коровъ сзываетъ
Ужъ свирѣль въ кружокъ.

Ирисъ.

ДВА РАЗСКАЗИКА.

I.

Одинъ купецъ отправился искать счастья въ далекія страны. Тамъ, благодаря своимъ настойчивости и труду, онъ скоро приобрѣлъ громадное состояніе и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія пожелалъ вернуться къ себѣ на родину.

Возвратившись къ себѣ въ родной городъ, онъ узналъ, что всѣ его близкіе родственники сняли усадьбу недалеко отъ города и поселились тамъ навсегда. Онъ рѣшилъ отправиться къ нимъ и отъ радости, что скоро ихъ увидитъ, позабылъ передѣться и въ томъ-же поношенномъ сюртукѣ, въ которомъ былъ и въ дорогѣ, отправился къ своимъ роднымъ въ ихъ усадьбу. Тамъ въ это время были гости и шелъ пиръ горой.

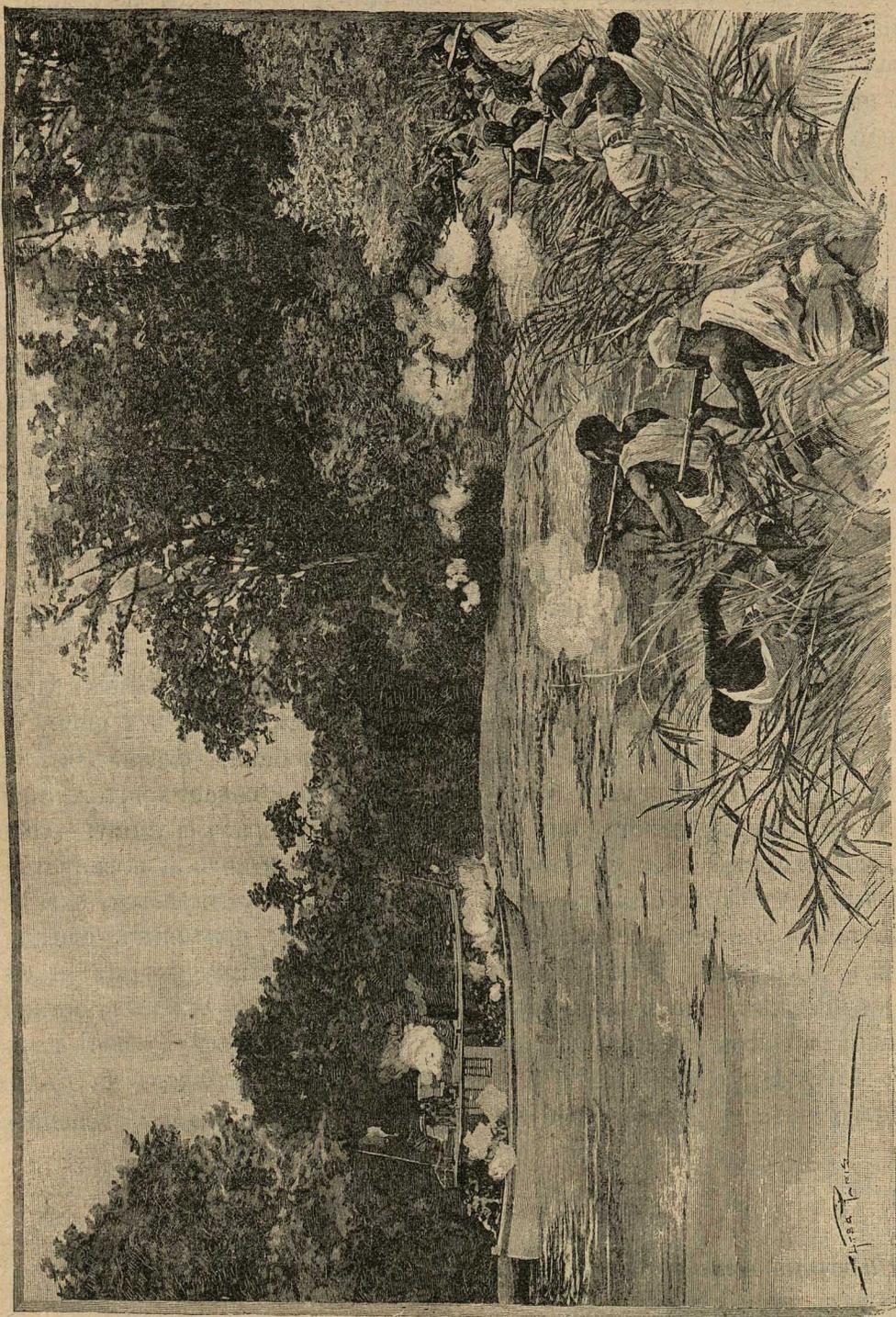
Когда путешественникъ вошелъ въ залу, всю блиставшую яркими

огнями, то, увидѣвъ его, его братья и сестры не выразили ни малѣйшей радости по поводу его возвращенія домой. Сюртукъ, въ который онъ былъ одѣтъ, былъ такъ поношенъ и старъ, что ихъ братъ показался имъ еще бѣднѣе, чѣмъ былъ прежде, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ отправлялся въ путь.

Негръ, котораго онъ привелъ съ собою въ качествѣ слуги, былъ такъ возмущенъ такою холодной встрѣчей, что не могъ удержаться и сказалъ:

— Какіе злые люди! Столько лѣтъ не видались съ моимъ хозяиномъ и не могутъ сказать ему ни одного привѣтливаго слова!

— Подожди немножко, отвѣтилъ ему шепотомъ купецъ.—Сейчасъ они сразу переимѣнятся ко мнѣ!

Негры, отражающие нападение европейцевъ.

И вынувъ изъ кармана громадный бриллиантъ огромной цѣнности, онъ показалъ его всѣмъ присутствовавшимъ на вечерѣ. Тотчасъ-же всѣ вскочили со своихъ мѣстъ, подбѣжали къ нему и стали горячо его привѣтствовать. Кто сталъ пожимать его руку, кто обнималъ его, а кто старался увѣрить, что не имѣетъ словъ выразить, какъ онъ радъ его пріѣзду.

— Вѣроятно, этотъ камень обладаетъ волшебной силой?—обратился къ хозяину негръ.—Должно быть, ты его заколдовалъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ съ улыбкою купецъ.—Одинъ видъ этого драгоценнаго камня сразу далъ имъ понять, что я очень богатъ и что во всякомъ случаѣ я богаче, чѣмъ они.

— Ахъ, какіе они слѣпцы!—воскликнулъ негръ.—Неужели-же они не видятъ, что этотъ камень бездушень и что онъ не умѣетъ ни мыслить, ни говорить? Вѣдь не камень этотъ владѣетъ тобою, а ты имъ. Слѣдовательно, важенъ не камень, а ты! Нѣтъ, господинъ, я хоть и не такъ образованъ, какъ твои родственники, а считаю человѣка выше, чѣмъ всѣ богатства на свѣтѣ.

Хозяинъ пожалъ негру руку и оба

они вышли изъ залы и уѣхали къ себѣ домой.

II.

Шель охотникъ съ собакой. Вдругъ выбѣжалъ заяцъ

— Возьми его! Возьми!—крикнулъ ей охотникъ.

Собака бросилась за зайцемъ изъ всѣхъ силъ, долго гонялась за нимъ, наконецъ, схватила его и стала держать въ зубахъ. Къ ней подбѣжалъ ея хозяинъ, схватилъ зайца за уши и сталъ вырывать его у нея изо рта.

— Брось! Брось! приказывалъ онъ ей.

Собака нехотя бросила зайца и охотникъ спряталъ его къ себѣ въ сумку.

Невдалекѣ сидѣлъ одинъ старикъ, который видѣлъ всю эту сцену.

— Эта собака,—сказалъ онъ прохожему,—напоминаетъ мнѣ скупца.—Жадность говоритъ скупому:—«Возьми! Возьми!» и скупой повинуется и изъ всѣхъ силъ старается схватить побольше. Но приходитъ смерть и говоритъ:—«Брось! Брось!» и бѣдняга бываетъ принужденъ оставить то, чѣмъ онъ владѣлъ безъ всякой пользы и что добывалъ съ такимъ трудомъ. (Le chanoine Schmidt).

Шуточный вопросъ. Почему упавшій предметъ падаетъ именно внизъ, а не летитъ вверху?

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Если въ названіе домашняго животнаго вставить его первый слогъ, то получится инструментъ, необходимый въ оркестрѣ. Какое это животное и какой это инструментъ?

(Предложили Сургучикъ).

II.

Если въ задуманномъ словѣ первую букву оставить на своемъ мѣстѣ, а вторую букву поставить на мѣсто третьей, а третью на мѣсто первой, то получится невольница. Какое это слово?

(Предложилъ Ежикъ).

III.

Даны семь словъ, означающія:

- 1) Водяную траву.
- 2) Полицейскаго.
- 3) Маслянистое вещество.
- 4) Жилище.
- 5) Говорящую птицу.
- 6) Домашняго грызуна.
- 7) Мѣсто вѣчнаго блаженства.

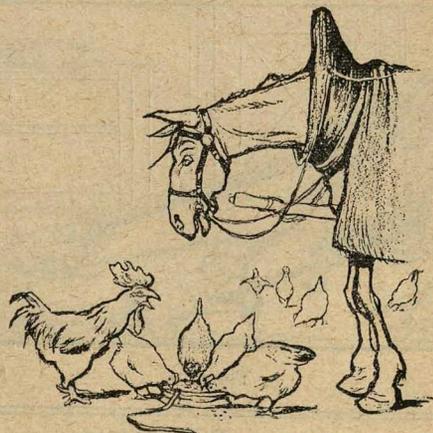
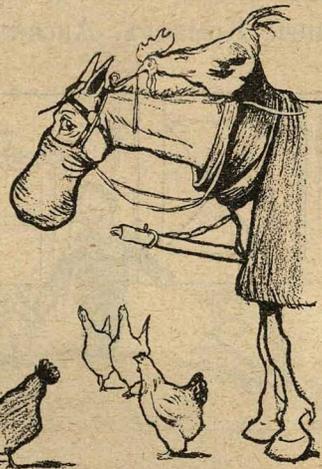
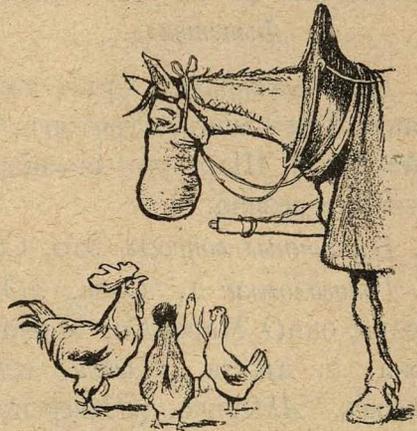
Взять отъ этихъ словъ вторія буквы отъ конца и составить изъ нихъ новое слово, означающее закуску. Какія это слова и какое это новое слово?

(Предложила Стрекоза).

IV.

Если въ словѣ, означающемъ хищную птицу, переставить буквы, то получится то, что даетъ урожай. Что это?

ДОГАДЛИВЫЙ ПѢТУШОКЪ.

А. В. СТЕЛКА 1918

Рѣшеніе шарадъ, головоломокъ и проч., помѣщенныхъ въ № 12 «Золотого Дѣтства».

1. Шарады-шутки: Ерѣ + макѣ = Ермакѣ; Три + гонѣ = тритонѣ; М + алыи = малыи; Шарѣ + а + да = шарада, ре + зина = резина.

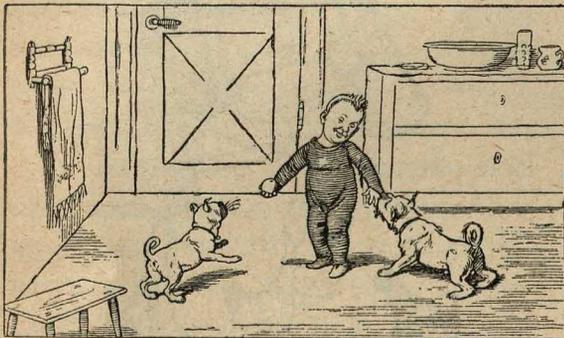
2. Шуточные вопросы. Это. Софія.

3. Головоломки: 1. Соль, ложка, тарелка, окно, Марокко, Москва = сорока. 2. аКула, кошка, слухъ, Лондонъ, Америка, университетъ, Парижъ = Коломна. 3. Пушкинъ, Майковъ, Фетъ, Чеховъ, Кольцовъ, Никитинъ, Крыловъ, Аксаковъ, Го-

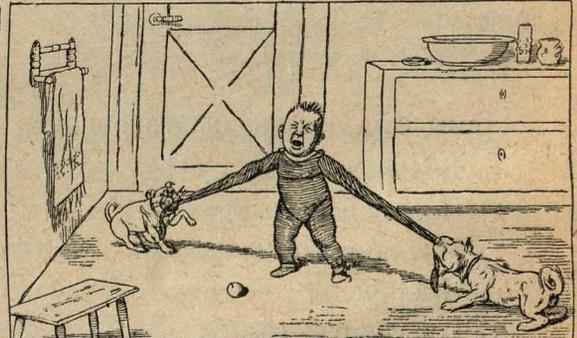
голь, Толстой. 4. Дѣдъ, отецъ и сынъ. Три кошки.

Ребусъ: На + ступа + лѣ + ве + черви + дно + бы + л + О ка + кѣ + въ + висо + ко + за + б + листь али звѣзды = Наступалъ вечеръ, видно было, какъ высоко заблистали звѣзды.

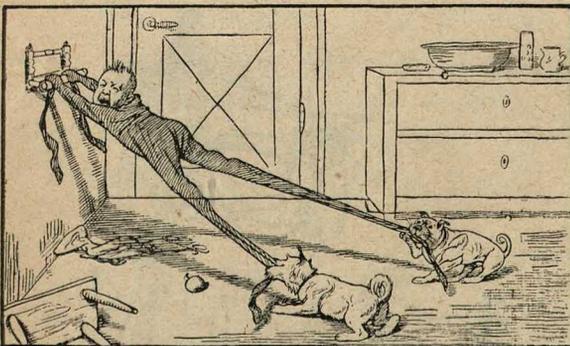
Вѣрныя рѣшенія прислали: Андрюша Федотовъ-донской казачокъ, Катя Горватъ-Божичко, Нина Троянович-Потровская въ СПБ., Галя Тихонова изъ Москвы, С. Гроздовъ въ СПБ., В. Когутова, Ника Jwanoff въ Berlin, Н. Гавловскій, Котя и Катя Николаевы изъ Харькова, Наташа Бѣлоножкина въ СПБ., Катя Ганкевичъ, Вѣра фонъ-Клугенъ, Соня Шераношеръ въ СПБ. Сережа Цуриковъ, Евва Бабаджанъ, Голя Чернявскій изъ Ростова-на-Дону, Яша Россоскій, Надя Шкилева, Илюша Компанейцъ въ СПБ. Миня Вайнштейнъ изъ Алешекъ.]

1. Возьми! Возьми!

2. Взяли.

3. Ташуть.

4. Расташили.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ Редакціей М. П. ЧЕХОВА

При каждомъ номерѣ приложенія (выкройки, игры, картонажи для склеиванія, литературныя и другія).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ **3 р. 80 к.**,
на полгода — **1 руб. 90 коп.**

Подписка принимается: въ **Конторъ журнала „Золотое Дѣтство“**.
С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3, и въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго
Времени» (Невскій, 40), Т-ва М. О. Вольфъ (Гостиный Дворъ и Невскій)
и Н. П. Карбасникова (Гостиный Дворъ).

➡ Подписной годъ съ 1-го Ноября. ➡

За перемѣну адреса — 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

